

РОССИЯ В СИСТЕМЕ ЕВРО-АЗИАТСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

УДК 316.61(47 + 57) + 340.11(47 + 57) + 323.2(47 + 57)

К. Н. Тарасов

ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЙ ЛИЧНОСТИ И ГОСУДАРСТВА В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ РОССИЙСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА конца XIX — 1-й половины XX в.

На примере взглядов Л. А. Тихомирова, И. А. Ильина и евразийцев

Рассматривается проблема отношений личности и государства в социально-политической доктрине российского консерватизма. Анализируются взгляды российских консерваторов по вопросам роли государственной власти в деле обеспечения прав и свобод граждан, взаимообусловленности социального порядка и гражданской свободы, соотношения прав и обязанностей. Подходы консерваторов-реформаторов соотносятся со взглядами монархистов-охранителей рубежа XIX—XX вв. М. Н. Каткова, К. П. Победоносцева, К. Н. Леонтьева.

Ключевые слова: личность и государство; консерватизм; свобода и порядок; права и обязанности.

В современных условиях поиска оптимальных путей модернизации России обращение к наследию отечественной общественной мысли представляется особенно актуальным. В работах именитых представителей отечественного консерватизма Л. А. Тихомирова, И. А. Ильина и евразийцев 1920—1930-х гг. Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, Л. П. Карсавина, Н. Н. Алексева, на наш взгляд, содержится синтез важнейших достижений идейных поисков выдающихся русских мыслителей, искавших ответ на вопрос о специфике исторически сложившегося в России типа социума и возможных вариантов его модернизации.

В работах современных исследователей отечественной общественной мысли проблема отражения в консервативном учении вопроса об отношениях власти и общества сводится к анализу консервативного тезиса о личности как главной социальной и этической ценности [Голиков; Колесниченко; Кржевов;

Матюхин, 2005а; 2005б; Сухов; Шамшурин]. Однако, на наш взгляд, принципиальным аспектом проблемы отношений личности и государства в социально-политической доктрине российского консерватизма является тезис о взаимообусловленности свободы личности и общественно-политического порядка. Обоснованная консервативными идеологами диалектическая взаимозависимость свободы гражданина и степени устойчивости социально-политического порядка, по нашему мнению, является ключевым аспектом социальной доктрины российского консерватизма. Через данное положение консерваторы стремились обосновать (в противовес либерализму) важнейший принцип консерватизма — отсутствие противоречий между личностью и государством.

В современной историографии идейно-политического наследия российского консерватизма анализ данного положения консервативной программы не нашел своего отражения. Представленная работа является попыткой заполнить образовавшийся пробел в отечественной историографии консерватизма.

Проблему отношений и соотношения личности и государства в работах отечественных консерваторов следует рассматривать в нескольких аспектах. Во-первых, необходимо проанализировать взгляды консервативных идеологов по вопросу о роли власти в деле обеспечения прав и свобод граждан. Это даст возможность выяснить мнение консерваторов о функциях и задачах государственного аппарата принуждения и границ его вмешательства как в личную жизнь граждан, так и в деятельность общественных институтов. Во-вторых, следует проанализировать консервативный подход к обоснованию взаимозависимости государственного порядка и индивидуальной свободы граждан. Это позволит доказать единство целей и задач государственной власти и социальных институтов как основы их идейно-институционального отождествления в консервативной мысли. И, наконец, более полно изучить проблему соотношения личности и государства поможет анализ консервативного тезиса о приоритете обязанностей граждан над их правами. Сформулированная консерваторами взаимообусловленность прав налагаемыми на гражданина обязанностями указывает на специфику консервативной трактовки вопроса о роли индивида в обществе, обосновывает примат интересов целого (государства и общества) по отношению к интересам личности.

Итак, важным аспектом проблемы отношений личность и государства в работах российских консерваторов является тезис о том, что свобода личности является главной этической и социальной ценностью. В свою очередь, защита личных и гражданских свобод выступает главной задачей государственной власти.

Развитие личности, по мысли Л. А. Тихомирова, должно стать главной заботой власти. Степень совершенства «общественного и культурного творчества личности», уровень ее интеллектуального и духовного развития определяет темпы и направление общественного прогресса. Государство призвано лишь создавать благоприятные условия для развития личности. Идеолог консерватизма писал, что «личность есть первоисточник общественной жизни, она сама создает общество и государство, она есть живая сила общества и государства»

[Тихомиров, с. 443]. Отношение государства к свободе личности, способность его защищать и обеспечивать свободную, социально полезную деятельность человека, по мнению Тихомирова, являются показателем зрелости верховной власти, критерием ее «способности к совершенству».

Главная цель человеческого существования, по мысли Тихомирова, — это стремление к Богу, к абсолютному нравственному идеалу. Человек существует и действует в обществе, поэтому общественное устройство должно максимально соответствовать стремлению личности к нравственному самосовершенствованию. Но общество управляется властью, значит, форма власти должна обеспечить такой общественный порядок, при котором каждому человеку будут созданы благоприятные условия для развития его интеллектуальных, а главное, нравственных качеств. Обеспечить такой общественный порядок способна только власть, стоящая над интересами отдельного человека и различных социальных групп, власть верховная, абсолютная [Тихомиров, с. 33–34]. Более всего этой задаче соответствует монархическая форма правления. Монархия лучше, чем демократическая республика, способна обеспечить и защитить подлинные права и интересы личности. Монархия как воплощение этического принципа «не может не сознавать государственного значения личности как носительницы этического начала» [Там же, с. 574]. Демократия же, выражающая власть количества и силы, не связана с этическим началом и зависит только от «безапелляционного безответственного народного самодержавия» [Там же]. Она основана на формально-юридических нормах и предполагает диктат большинства, даже если его мнение ошибочно.

Для И. А. Ильина свобода, так же как и для Л. А. Тихомирова, является необходимым условием формирования нравственно совершенной и ответственной личности. А степень справедливости общественного устройства определяется возможностью реализации свободы. Общество, которое не гарантирует реализацию свободного развития личности, по убеждению мыслителя, априори не может считаться справедливым и устойчивым. Продолжая лучшие традиции отечественного консерватизма пореформенной эпохи, Ильин подчеркивал, что «жизнь человеку предназначена не для рабства или распутства, а для свободного, осознанного самосовершенствования» на основе христианских ценностей [Ильин, 2001, с. 310].

Социальный порядок, по И. А. Ильину, есть лишь средство достижения, осуществления национального идеала. Идеал же заключается в нравственном самосовершенствовании каждого человека и общества, в целом, на основе евангельских заповедей, в достижении социальной гармонии, в создании справедливого общественного устройства. Ильин подчеркивал, что «они [консерваторы] и не думали отвергать всякую свободу и всю свободу, но всегда разумели человека как существо самостоятельное, призванное к внутреннему духовному самоуправлению и самодеятельности» [Там же, с. 294]. Гарантом реализации свободы должен выступать государственный авторитет.

Ильин обращает внимание на существование двух противоположных традиций понимания общества и государства — «механистической» и «органической» [Там же, с. 214]. Механистическая (либеральная) традиция в оценке

политической власти и общества исходит из интересов индивида как автономной, не зависимой от других людей личности. Это идеология «гражданского общества». В этой традиции государство и общество противопоставлены друг другу. Государственная власть рассматривается в данном случае как своего рода арбитр, который следит за законностью конкурентных отношений между людьми. Государственная политика при либерально-демократическом строе представляет собой компромисс между интересами противостоящих друг другу социальных слоев, групп элиты и т. п. Формально-механистическому пониманию государства и общества И. А. Ильин противопоставляет «органический подход», согласно которому общество представляет собой «органическую сумму общих волей», единый живой организм, соединение на основе общих духовных смыслов людей и даже поколений, объединенных исторической памятью [Ильин, 2001, с. 214].

Заметим, что подобная трактовка социума подразумевает обоснование единства общества и государства. Консерватизм, в отличие от либерализма, не противопоставляет общество государственной власти, а провозглашает то же государство и общество. Государственная власть не просто воспринимается системообразующим фактором российского социума. Консерваторы идут гораздо дальше и пытаются представить государство и общество как две стороны единого целого.

Отношение евразийцев к свободе индивида в обществе определяется их концепцией симфонической личности. В более широком смысле «симфоническая личность» представляет собой неразделимое единство личности, общества, государства и церковной организации как различных ипостасей единого целого — «исторического бытия России-Евразии» [Евразийство, с. 20]. Состояние общества как «симфонической личности» характеризуется гармонией образующих данный социум индивидов и социальных групп. По мнению Л. П. Карсавина, свобода является необходимым условием социального творчества масс и поступательного развития общества [Карсавин, 2004, с. 110]. Гармония социального порядка возможна лишь при условии самореализации каждого гражданина как части «симфонической личности».

Таким образом, идеи Л. А. Тихомирова, И. А. Ильина и евразийских идеологов объединяет взгляд на свободу личности как главную этическую и социальную ценность, защита которой становится главной задачей государства. Принципиальных различий по данному вопросу в работах указанных консервативных авторов не находим.

Следует заметить, что обоснование ценности индивидуальной свободы противопоставляет взгляды Тихомирова, Ильина и евразийцев подходу консерваторов-охранителей М. Н. Каткова, К. Н. Леонтьева и К. П. Победоносцева. По словам редактора «Московских ведомостей», «гражданская свобода требует ограждения, она нуждается для своего обеспечения в живой и твердой, правильно поставленной власти, вне которой свобода изменяет свою природу и превращается в насилие и разврат» [Тяпин, с. 259]. По убеждению К. Н. Леонтьева, отношения государства и личности могут строиться только на полном господстве государства и самодержавной власти над личностным началом

[Голиков, с. 254]. Леонтьев был сторонником неограниченного в своих полномочиях государства и считал, что греховную природу человека и проистекающие от нее социальные язвы сможет обуздать только жестокая деспотичная власть. Что же касается взглядов К. П. Победоносцева на проблему свободы личности, то философ Н. А. Бердяев не случайно определил мировоззрение Константина Петровича как «нигилизм на религиозной почве». Бердяев отмечал, что мироощущение Победоносцева отличало «неверие в объективную силу добра на земле, в смысл мировой истории, в непосредственную мощь самого Бога в земной общественности, неверие это и есть основа государственного позитивизма, обоготворения государственной власти» [Бердяев, 1996, с. 76]. Соответственно допущение даже минимального уровня гражданских и политических свобод Победоносцев считал губительным для социального порядка. Подозрительное, а подчас и резко отрицательное отношение к личным и политическим правам и свободам граждан стало одной из главных предпосылок идейного бессилия и последующего идеологического и политического краха реакционно настроенного крыла российского консерватизма, напрямую связанного с элитой самодержавной монархии.

Консерватизм разделяет христианский взгляд на изначальную греховность природы человека. А значит, предоставление человеку полной свободы, и духовной, и политической, по убеждению консерваторов, губительно как для самого человека, так и для общества в целом. Неограниченная свобода обернется разнузданной вседозволенностью, а на смену социально-политическому порядку придут хаос и разложение.

Однако консерваторы не являются противниками свободы в целом. Дело в том, что консерватизм всегда делал ставку на свободу духовную, на свободу личного выбора и ответственности, возможную, по словам К. Н. Леонтьева, и «в цепях», т. е., ценность внешней — социально-политической и юридической — свободы является для консерваторов либо сомнительной (так считают «охранители-реакционеры» К. Н. Леонтьев, К. П. Победоносцев и др.), либо отступает на второй план после свободы внутренней и коррелируется с уровнем морального и интеллектуального развития личности. Таким образом, объем предоставляемых свобод соотносится с уровнем моральных, интеллектуальных, профессиональных качеств личности. Вторая точка зрения на свободу характерна для умеренных либеральных консерваторов, к числу которых следует отнести Л. А. Тихомирова, И. А. Ильина и евразийцев.

В данном вопросе мировоззрение российских консерваторов соотносится с христианским учением о свободе религиозного самоопределения человека. Христианство признавало прежде всего ценность внутренней духовной свободы в принятии веры и следовании заповедям. При этом свободу личного религиозного опыта христианство совмещало с необходимостью подчинения государственной власти: «Богу — Богово, кесарю — кесарево» [Бердяев, 2006, с. 23].

Необходимость сочетания свободы и государственного принуждения, неизбежного при поддержании должного социального порядка, получила обоснование в консервативном тезисе о взаимообусловленности, взаимозависимости свободы и порядка.

Так, Л. А. Тихомиров отмечал, что власть, конечно, предполагает подчинение. Но если власть справедлива, то это подчинение оборачивается приобретением человеком порядка и свободы действия. В обществе без власти, без подчинения человек не свободен. Он всецело зависит от непредсказуемых внешних обстоятельств. В обществе же, где власть создает стройный порядок, человек может планировать свою деятельность, не боясь неожиданностей. Тихомиров обращал внимание на несостоятельность самого противопоставления власти и свободы в условиях социальной организации: «Государство представляет собой лучшую организацию разумной свободы — общественной и личной. Только в государстве может развиваться свобода и нравственная личность» [цит. по: Голиков, с. 254].

По убеждению И. А. Ильина, общественное зло проистекает не вследствие принуждения и диктата власти (как считал, например Л. Н. Толстой), а является свидетельством несовершенной природы большинства людей. «Безбожной и злой воле человека», по словам Ильина, опасно и глупо предоставлять полную свободу. «Общественная и политическая свобода, — указывал консервативный идеолог, — должны иметь свою меру и форму», обусловленные спецификой национального менталитета, типа общества и власти, своеобразием исторического опыта» [Ильин, 2007, с. 293–294]. Социально-политический строй должен развивать все лучшее, что заложено в природе человека, и одновременно бороться с разрушительными наклонностями многих индивидов.

Развивая идеи Л. А. Тихомирова, И. А. Ильин писал, что искусство настоящего государственного деятеля заключается в том, чтобы люди связывали свое будущее и возможность развития в настоящем с сильной государственной властью. Государство должно быть сильным, чтобы иметь возможность обеспечить каждому гражданину условия для свободного развития. Власть не должна тотально контролировать людей, но должна быть способна обеспечить правопорядок — необходимое условие общественного развития. Именно тогда, убежден мыслитель, граждане начнут в силу власти видеть гарантию своей свободы. Подобное отношение гражданской свободы и государственного принуждения призвано, по словам Ильина, обеспечить такое положение, при котором «свобода граждан будет верным и могучим источником государственной власти» [Там же, с. 265].

Приведенный выше взгляд на проблему взаимообусловленности социально-политического порядка и индивидуальной свободы разделяли и идеологи евразийства. Так, по мысли Н. Н. Алексеева, относительно соотношения порядка и свободы государства делятся на «нормоустроительные» и «правоустроительные» [Алексеев, с. 505]. В первую группу входят государства с тоталитарным политическим режимом, которые «издают нормы, предписывающие обязанности». Ко второй группе относятся государства либеральной демократии, которые «сводят до минимума деятельность нормоустроительную». По утверждению Алексеева, евразийское государство должно сочетать в себе достоинства этих двух типов. В этом случае за гражданином будет признаваться право свободы и самоопределения. Однако государство будет обязано не только обеспечить реализацию этой свободы, но и активно бороться с возможными

«антисоциальными последствиями ее осуществления» [Там же, с. 511]. Диалектика свободы и порядка предполагает, что принудительный характер многих действий государственной власти не должен подавлять личность. Силовой аппарат государства не ограничивает индивидуальную свободу, а является гарантией стабильности социума и защищенности индивида. Чем сильнее власть, тем стабильнее и прочнее общество, тем спокойнее и увереннее чувствует себя в нем гражданин.

Приведенная выше диалектика порядка и свободы является неотъемлемой особенностью политической программы российского консерватизма. Государственный порядок в консервативной социально-политической доктрине оценивается не как явление, подавляющее свободу человека, а как необходимое условие ее реализации. Свобода человека, по убеждению консерваторов, может быть обеспечена только в стабильном обществе, когда человек может планировать свой жизненный путь, не опасаясь социальных катаклизмов. Данный тезис обосновывался отечественными консерваторами в противовес либеральной социально-политической программе. Как известно, в учении либерализма поддержание социального порядка является задачей гражданского общества, т. е. задачей самих граждан, а не государственной власти, которая призвана лишь следить за законностью социальных отношений и обеспечивать оборону государства. Значительная доля государственного патернализма в консервативной идеологии, очевидно, объясняется учетом консерваторами исторического опыта России, который свидетельствует о том, что важнейшие задачи освоения, управления, защиты и модернизации страны решала государственная власть.

Необходимо отметить, что данное утверждение о взаимозависимости общественного порядка и свободы личности объединяет подходы Тихомирова, Ильина и евразийцев со взглядами консерваторов-«охранителей» Каткова, Победоносцева, Шарапова, Меньшикова и др. Однако консерваторы дореволюционной поры поддержание социального порядка однозначно связывали с монархическим строем. Так, М. Н. Катков писал, что «только по недоразумению думают, что монархия исключает народную свободу; на самом же деле она обеспечивает ее более чем всякий шаблонный конституционализм» [цит. по: Матюхин, с.36]. Консерваторы-«охранители» подчеркивали, что именно концентрация государственной власти в руках монарха, а не каких-либо иных властных институтов есть главная предпосылка свободной социальной жизнедеятельности общества. Катков указывал, что только при соблюдении принципа верховенства монархической власти, гражданская свобода не превратится во вседозволенность, а получит свое истинное, достойное человека воплощение. И. А. Ильин и евразийские авторы, являвшиеся свидетелями краха российского самодержавия, сохранение общественного порядка как условия свободного развития граждан с монархией уже не связывали. Они предпочитали избегать вопроса о конкретной форме правления в своих работах и программах, тем не менее характеризую государство как системообразующий фактор социума. К тому же для консерваторов-«охранителей» социально-политический порядок был абсолютной ценностью сам по себе. Условия жизни людей, положение каждой отдельной

личности в данном социуме как бы отходили на второй план. Устойчивая общественная организация с сильной монархией во главе была для Каткова, Лентьева, Победоносцева своеобразным продолжением Божественного миропорядка. Л. А. Тихомиров, И. А. Ильин и евразийцы, наоборот, отмечали ценность социальной гармонии как средства, инструмента создания благоприятных условий жизни для максимально большего количества людей. На первый план здесь выступали потребности и интересы личности.

С проблемой соотношения свободы и порядка связана еще одна особенность консервативной политической доктрины — соотношение прав и обязанностей. Отечественная консервативная мысль отвергает принцип либерализма о примате прав над обязанностями и обосновывает главенство обязанностей над правами. Примат обязанностей, по утверждению консерваторов, есть специфическая особенность российского социума, сложившегося в особых исторических условиях.

Специфика и сложность российского исторического пути обусловили необходимость сильной, жесткой, а порой и жестокой центральной власти. Эта власть обеспечивала освоение обширных пространств с тяжелыми природными условиями и малым размером прибавочного продукта, а также организовывала защиту от постоянных внешних вторжений. В этих условиях государство было вынуждено закрепить все сословия, сильной рукой сплотить нацию на основе общей идеи для решения стоящих перед страной исторических задач. Крепостной строй, в том смысле, что любой подданный, независимо от социального статуса, являлся, по сути, рабом перед лицом высшей власти, стал нормой русской жизни. И естественно, что в этих условиях обязанности человека и его сословия перед государством (в лице верховной власти) получили преобладающее значение над правами. Причем права и привилегии предоставлялись самой верховной властью и только для облегчения несения обязанностей.

По убеждению Л. А. Тихомирова, главная задача человека в земной жизни — стремиться к нравственному идеалу, развивать свои творческие способности, заложенные Богом. Развитие личности, пояснял консерватор, это не право, не привилегия, а обязанность, долг каждого человека перед Богом и другими людьми. В монархическом государстве личность подчиняется монарху, признает верховную власть нравственного идеала, а значит, должна признать и свою обязанность развиваться, служить общему делу. Таким образом, право в монархическом государстве дается подданному как средство для исполнения своих обязанностей перед Богом, царем, народом. Тихомиров писал, что «человек, как существо разумное, нравственное и волевое, не есть первоисточное существо, не истекает из Божественного начала, которое поместило его в мире именно с миссией самостоятельно развивать данные ему духовные силы. Человек по природе это чувствует и твердо требует необходимой свободы и права тогда только, когда это необходимо для исполнения обязанности его миссии» [Тихомиров, с. 577].

Права необходимы, по словам Л. А. Тихомирова, «для выработки личности, способной к свободе» [Там же, с. 578]. Главная задача объединения усилий

власти и общества заключается в формировании социально активной, ответственной личности, гражданина, способного использовать предоставленную ему свободу для созидательной, общественно значимой деятельности, в воспитании подданного, с честью исполняющего свой долг перед страной. Тихомиров был уверен, что «уравновешенность прав обязанностями» дает личности подлинную свободу, безопасность и осознание своей социальной значимости и самооценности.

И. А. Ильин связывал примат обязанностей над правами прежде всего с нравственным аспектом, называя одним из важнейших качеств настоящего гражданина «умение превратить свою свободу в добровольную лояльность», т. е. посвятить свою жизнь служению нации, поставить свои обязанности перед обществом выше своих личных прав. По словам Ильина, каждый истинный гражданин России должен воспринимать свои обязанности как права, т. е. несение обязанности трактуется как возможность (право) внести свой вклад в общее дело. Права же должны восприниматься как обязанности в том смысле, что гражданин должен сознавать общественную значимость и последствия осуществления своих прав.

Обеспечение социального порядка и поступательное развитие общества должно обеспечить повышение уровня «правосознания» граждан. Поэтому строй «органической демократии», по мысли Ильина, должен характеризоваться обеспечением «живого контакта между юридической наукой и сознанием масс» [Ильин, 2001, с. 184]. Власть должна всячески способствовать распространению в обществе правовых знаний, обеспечивать изучение правоведения в школах в качестве одного из важнейших предметов, формировать в общественном сознании уважительное отношение к праву, в том числе и на личном примере. Ильин был убежден, что «право должно стать фактором жизни, мерою реального поведения, силою народной души» [Там же, с. 184]. В противном случае, предупреждал философ, развитие демократических институтов обернется либо анархией, либо установлением такого политического строя, в котором политическая элита будет умело манипулировать массовым сознанием в своих узко корпоративных интересах.

С обоснованием совместимости государственного порядка и свободы личности связано и положение евразийской идеологии о взаимообусловленности прав и обязанностей гражданина. Так, по словам Л. П. Карсавина, «конкретно и эмпирически сферы государства и индивида по содержанию своему не могут быть разграничены раз навсегда и абсолютно» [Карсавин, 1997, с. 198]. Это объясняется тем, что человек представляет собой неотъемлемую часть отождествленных общества и государства. Индивид как часть общества несет перед ним ответственность. Из этой принадлежности индивида целому и вытекают его обязанности. Часть априори не может быть важнее целого. Поэтому и обязанность важнее права.

Другой евразиец, Н. Н. Алексеев, в своей статье «Обязанность и право» обосновал традиционную для российского консерватизма идею о приоритете обязанностей над правами. Однако явный примат обязанности, характерный для взглядов консерваторов-монархистов (Каткова, Победоносцева, Тихомирова) в концепции Алексеева несколько смягчается в понятии «правообязанность».

Идеолог евразийства писал, что в этом понятии заключается «внутреннее органическое сочетание прав и обязанностей, когда право, так сказать, пропитывается обязанностью, а обязанность правом» [Алексеев, с. 158].

Правовая доктрина отечественного консерватизма утверждает, что обязанность следует понимать как право, как возможность осуществления обязанности (налоговой, военной и т. д.), как возможность принести пользу обществу и государству. Право же следует понимать как обязанность, т. е. при реализации своих прав и свобод гражданин должен учитывать общественные последствия своих действий. Тем самым снимается противоречие между интересами человека и общества, между свободой личности и общенациональными задачами.

В отличие от указанных консервативных авторов, консерваторы-«охранители» Катков, Леонтьев, Победоносцев и другие были сторонниками тезиса о том, что наличие обязанностей у подданных отрицает необходимость наделения их правами. В качестве доказательства этого положения можно привести известное высказывание М. Н. Каткова о том, что подданные российского императора «имеют нечто лучшее, чем права, — они имеют обязанности» [Катков, с. 221]. К. Н. Леонтьев, в свою очередь, утверждал, что «Божественная истина Евангелия земной правды не обещала, свободы юридической не проповедовала, а только нравственную духовную свободу, возможную и в цепях» [Леонтьев, с. 128]. Тем самым консерватор показывал опасность для социального спокойствия сословного строя наделения граждан равными правами. Также скептически к возможности предоставления гражданам политических прав относился и К. П. Победоносцев [см.: Гусев, с. 82]. Наделив граждан избирательными правами, считал обер-прокурор Синода, самодержавная власть лишится своей политической монополии в обществе, потеряет рычаги управления и контроля над различными сферами общественной жизни. Эти факты могут привести к развалу многонационального и многоконфессионального государства, особенно в условиях капиталистической модернизации, когда логика общественного развития заключается в разложении сословного строя, потере дворянством статуса экономической и политической элиты, усилении общественной роли нарождающейся буржуазии и интеллигенции, которые в массе своей настроены антимонархически [см.: Русский консерватизм, с. 296].

Итак, характерной особенностью социально-политической доктрины российского консерватизма является своеобразная трактовка отношений личности и государства. Взгляды ведущих консервативных идеологов в принципиальных положениях по данному вопросу совпадают. Конечно, различные аспекты подходов отдельных консерваторов могут значительно расходиться. Как было отмечено выше, это связано с особенностями мировоззрения того или иного консерватора, а также обусловлено историческими реалиями, свидетелем которых был тот или иной консервативный автор. Тем не менее можно выделить общие подходы отмеченных в исследовании консерваторов в трактовке проблемы отношений личности и государства.

Главной особенностью консервативного подхода к решению данной проблемы является стремление консервативных авторов обосновать отсутствие противоречий между личностью и государством. Российские консерваторы

подвергали критике тезис либеральной идеологии о неизбежном антагонизме интересов личности и государства. Защиту и реализацию прав и интересов каждого гражданина консервативные авторы ставили в зависимость от степени стабильности социального порядка, который создается сильной государственной властью в интересах всех граждан. В трактовке либерализма первичен индивид. Его права и свободы провозглашаются главной ценностью. Общество формируется как совокупность свободных индивидов, связанных между собой лишь юридическими обязательствами. По утверждению либералов, общество вторично по отношению к индивиду и не может спрашивать с него больше, чем предписано законом. Консервативный же взгляд на данный вопрос соответствует традиционалистскому пониманию проблемы «человек — общество». Личность провозглашается консерваторами неотъемлемой частью общества, органично с ним связанной. Причем связь людей в общество, по утверждению консервативных авторов, осуществляется не столько формальными юридическими нормами, сколько общими, разделяемыми всеми религиозными, этическими, национальными смыслами. Индивидуальностью человек может стать только в обществе, по-своему воплощая в жизнь общие для всех мировоззренческие и социально-политические установки. Поэтому объединяющее индивидов и социальные группы в единый социум государство выступало в работах консерваторов системообразующим фактором общества.

Считая государство ядром социума, умеренные либеральные консерваторы (Л. А. Тихомиров, И. А. Ильин, евразийцы Н. С. Трубецкой, Н. Н. Алексеев, Л. П. Карсавин) тем не менее провозглашали свободу личности главной социальной и этической ценностью. Обеспечение свободы граждан эти консервативные авторы считали главным условием социального прогресса. Только по-настоящему свободная личность может быть ответственна за свои действия перед обществом и государством [см.: Шамшурин, с. 69].

Задача создания условий для свободного творчества и самореализации индивидов ложится на государство. С указанной задачей в программе консерватизма соотносилась степень влияния государства на различные сферы общественной жизни. Государство, указывали консерваторы, призвано быть сильным, потому что только сильное государство будет способно обеспечить устойчивый и поступательно развивающийся социально-политический строй. От степени устойчивости и потенций развития данного строя зависит, как будут чувствовать себя граждане, насколько полно они смогут соотносить свои планы на будущее и возможности самореализации с данной социально-политической моделью. Тем самым российские консерваторы подчеркивали, что свобода и перспективы развития личности не находятся в противоречии с властью, не умаляются силой государственного аппарата принуждения. Только стабильный социальный порядок способен обеспечить защиту и реализацию прав и свобод личности каждого гражданина.

Взгляд на индивида как неотъемлемую часть целого (общества и государства) обусловил и такую характерную особенность социальной доктрины консерватизма, как приоритет обязанностей над правами. Согласно взглядам российских консерваторов, поскольку человек — часть общества, то и его

обязанности перед целым являются первичными. Права же ему предоставляются либо как средство для исполнения тех же обязанностей, либо зависят от уровня морального и интеллектуального развития индивида. Анализируя социально-политический строй западных либеральных демократий, идеологи консерватизма подчеркивали, что приоритет прав (объемом которых определяется характер обязанностей и степень ответственности) оборачивается вседозволенностью, разрушением социальной структуры, порождает многочисленные конфликты и столкновения между людьми, социальными слоями и группами. Приоритет обязанностей делает общество более устойчивым, нейтрализует причины социальных конфликтов.

Отмеченные выше особенности консервативной трактовки отношений личности и государства указывают на стремление консервативных авторов связать интересы личности с общенациональными целями. Интересы государства и общества, если они направлены на создание справедливого общественного строя, не могут противоречить интересам отдельной личности. Личность и государство должны сотрудничать, а не противостоять друг другу. Консервативные авторы, формулируя взаимозависимость социального порядка и свободы, взаимообусловленность прав и обязанностей граждан, стремились обосновать единство целей личности и государства. Эти общие цели, по убеждению консерваторов, заключались в организации справедливого общественного порядка, в проведении национально ориентированной модернизации, в отстаивании общенациональных интересов и решении стоящих перед страной исторических задач. Личность и государство как бы отождествлялись через эти общие цели, противоречия между общим и частным должны были отступить на второй план перед задачей достижения общенационального идеала.

Алексеев Н. Н. Обязанность и право // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 2003. С. 157–161.

Алексеев Н. Н. Современное положение науки о государстве // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 2003. С. 375–578.

Бердяев Н. А. Русская идея // Бердяев Н. А. Самопознание : сочинения. М., 2006. 613 с.

Бердяев Н. А. Нигилизм на религиозной почве // К. П. Победоносцев: pro et contra. Личность, общественно-политическая деятельность и мировоззрение Константина Победоносцева в оценке русских мыслителей и исследователей : антология / вступ. ст., сост. и примеч. С. Л. Фирсова. СПб., 1996. С. 74–79.

Голиков А. К. Государство и личность в социально-философских концепциях русского консерватизма (К. Леонтьев, Л. Тихомиров) // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 1. С. 247–260.

Гусев В. А. Русский консерватизм: основные направления и результаты развития. Тверь, 2001. 332 с.

Евразийство: опыт систематического изложения // Савицкий П. Н. Континент Евразия / сост. А. Г. Дугин. М., 1999. С. 6–126.

Ильин И. А. Национальная Россия: наши задачи / под ред. О. А. Платонова. М., 2007. 399 с.

Ильин И. А. Учение о правосознании // Ильин И. А. О воспитании национальной элиты / сост. Т. Ю. Лисица. М., 2001. С. 187–245.

- Карсавин Л. П.* Основы политики // Мир России — Евразия : антология / сост. Л. Новикова, Н. Сиземская. М., 2004. С. 98—121.
- Карсавин Л. П.* Феноменология революции // Русский узел евразийства : антология / сост. М. А. Маслин. М., 1997. С. 188—199.
- Катков М. Н.* Имперское слово. М., 2002. 476 с.
- Леонтьев К. Н.* Византизм и славянство // Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство : сочинения. М., 2007. С. 121—289.
- Маркелов Е. В.* Пути исканий русской интеллигенции: оформление охранительной концепции М. Н. Каткова // Обозреватель — Observer. 1996. № 10—12. С. 104.
- Матюхин А.* Личность, общество и государство политической философии русского консерватизма // Обозреватель — Observer. 2005а. № 5. С. 98—107.
- Матюхин А.* Традиция «государственников» в русском консерватизме // Обозреватель — Observer. 2005б. № 9. С. 36—44.
- Колесниченко Ю. В.* Опыт евразийства: тема личности в отечественной философии // Вестн. МГУ. Сер. 12, Социал.-полит. исслед. 1994. № 1. С. 71—78.
- Кржегов В. С.* Социально-политическая концепция евразийства и проблема поиска надежных основ интеграции общества // Вестн. МГУ. 2005. № 4. С. 76—111.
- Русский консерватизм XIX столетия: идеология и практика* / Б. С. Итенберг, В. А. Твардовская, К. Ф. Шацилло ; отв. ред. В. Я. Гросул. М., 2000. 378 с.
- Сухов А. Д.* Социально-философские воззрения евразийцев // Философия и общество. 1998. № 1. С. 173—190.
- Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность / вступ. ст. С. М. Сергеева. М., 1998. 805 с.
- Тягин И. Н.* М. Н. Катков и его философия истории // Социал.-гуманитар. знания. 2005. № 2. С. 97—105.
- Шамиурин В. И.* Консерватизм о человеке и свободе // Человек. 2003. №1. С. 65—72.

Статья поступила в редакцию 15.11.2011 г.

УДК 94(510-265.72) + 347.441.87(510-265.72)

К. Г. Муратшина

ЮЖНО-КИТАЙСКОЕ МОРЕ: УЗЛЫ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Южно-Китайское море в последнее время становится территорией столкновения интересов. Почти все государства, имеющие береговую линию и соответственно исключительную экономическую зону, находятся в состоянии противоречий с КНР, претендующей на острова Спратли и большую часть морского пространства. Рассматривается конфликт интересов в его динамике; делается попытка охарактеризовать перспективы развития ситуации. Проблема исследуется на материале значительного числа источников, среди которых дипломатические документы, а также российская, китайская и тайваньская публицистика.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Китай; Южно-Китайское море; Спратли; спорные территории.

Южно-Китайское море, в котором в 70-е гг. прошлого века произошел конфликт с применением силы при взятии Китаем под свой контроль Парасельских островов, в последнее время становится территорией столкновения интересов.